

ПОД УГРОЗОЙ ЗАТОПЛЕНИЯ

Речь идет об архиве бывшего Министерства культуры СССР. Ибо в подвалах, где он хранится, новые хозяева предполагают открыть сауны. Когда стало известно, что внушительное здание бывшего министерства на старом Арбате достанется погорельцам-актерам, туда немедленно прибыли посланцы российского культурного ведомства, правопреимника союзного, к которому и должен перейти архив. Из помещений они вывезли холодильники и столы, но самим архивом не поинтересовались. Жаль. Ведь многочисленные тома чиновничьих отчетов, справок, переписки содержат немало любопытного и даже поучительного хотя бы с точки зрения, как не вредить культуре.

Вот, например, папка с материалами о наследстве, оставленном скончавшейся в 1970 году в Италии балериной Ийей Русской (Евгений Борисенко). Эмигрировав из России, она основала итальянскую академию танца. Балерина завещала академию и московскому Большому театру 128 миллионов лир для строительства на принадлежавшей ей земле виллы «Каникола», где отдыхали бы престарелые и начинающие артисты балета. На возведение виллы отводилось 10 лет. Но прошло уже 20 с лишним, а в Большом практически и не слышали об этом желании покойной. По словам Ольги Лепешинской, хорошо знавшей Ийю Русскую, ей пришлось обойти немало высоких кабинетов, с помощью Галины Брежневой удалось даже добраться до самого генсека, и тот согласился: да, надо строить. Но все хлопоты были напрасными. Министерских чиновников идея виллы не увлекла. Зато их занимало другое. Сколько энергии было затрачено (правда, тоже впустую), чтобы в связи со столетием

Архивы сегодня в центре внимания. Их открыли, их делят и даже торгуют ими за СКВ, обеспечивая таким образом им неплохое будущее. Но повезло не всем, а лишь самым «модным» — архивам КГБ, цексовскому. Другие продолжают томиться в безвестности, кое-как перебиваясь на скудно отпущенные средства. А иным и вовсе угрожает перспектива кануть в небытие, исчезнуть или просто утонуть.

Ленина навязать в дар национальной галерее в Оттаве копию картины В. Серова «Ходоки у Ленина» да еще и требовать ее постоянной экспозиции! Канадским галерейщикам пришлось не раз заседать по этому поводу, и, как с сожалением докладывал в Министерство культуры первый секретарь советского посольства, они оказались «не в состоянии принять положительное решение».

Конечно, министерский архив не только собрание анекдотических историй или многословных донесений об успехах или провалах советских концертных программ (например исполнителям «Песен и танцев русских революций» пришлось из-за отсутствия интереса зрителей вернуться из Франции домой гораздо раньше намеченного срока). Архивные папки хранят не одни лишь раздраженные доклады о Парижском литературном и артистическом агентстве, многолетнем партнере министерства и Госконцерта, которое «хотя и является

неофициальной рабочей секцией ФКП, нередко отличается коммерческим подходом к делу, что недостойно коммунистов», или кипы докладных о поведении советских артистов за рубежом.

Архив — это и несметное количество личных дел, это документы о приобретенных произведениях искусства, их местонахождении. Только благодаря архивным данным удалось обнаружить, в каких музеях лежат графические работы художника Юрия Анненкова, привезенные из Парижа 20 лет назад тогдашним директором Русского музея Василием Пушкиревым. Архивные справки недавно подсказали, где искать считавшуюся пропавшей уникальную коллекцию народной игрушки, собранную в 30-е годы актером и режиссером Николаем Церетелли. В свое время ее приобрел Георгий Костаки, который перед отъездом в Грецию предназначил коллекцию в дар создававшемуся тогда Музею прикладного искусства народов СССР. Кстати, в этом музее (у него уже другое название, но до сих пор нет выставочного помещения) ничего о коллекции не знают. К материалам архива прибегают и следователи, занимающиеся делом о таинственном исчезновении два года назад французского коллекционера Басмаджана.

Но участь самого архива пока весьма туманна. Территория его в нынешнем Доме актера сжимается, как шагреньевая кожа. Столь дорогие нынче квадратные метры выгоднее отдать в аренду богатым коммерсантам, чем под пыльные бумаги. Не сегодня-завтра он рискует оказаться на улице.

Татьяна АНДРИАСОВА

ОН НЕ ЗНАЕТ, ЧТО УМЕР...

Александр Володин и Эльдар Рязанов, Олег Басилашвили и Валентин Гафт, Галина Волчек, Константин Райкин и еще многие, многие другие. И все они пишут о нем, повторяя: «поразительный», «непогрязаемый», «уникальный»... И все это правда, потому что все это об одном человеке.

О Евстигнееве. О Евгении Александровиче...

Издательство «Культура» при содействии фирмы «Виктория» готовит к печати книгу воспоминаний о нашем любимом актере.

Сегодня мы публикуем фрагмент книги — записи актрисы Ирины Цывиной, жены Евгения Александровича, которая была с ним до самых последних минут...

В детстве я, как многие девочки, собирала портреты артистов. Когда я приехала из Минска в Москву поступать в театральное училище, в моем дневнике была закладка — фотография Евстигнеева из «Невероятных приключений итальянцев в России», кадр, где он со сломанной ногой — веселый, озорной, но больной. Я не особенно берегла эту открытку и даже записала на ней какой-то телефон. Со странным чувством я вспоминаю теперь о ней как о случайном знаке своей судьбы.

Я училась в Школе-студии МХАТ у Василия Петровича Маркова. В конце второго курса он собрал нас и объявил, что с нами будет работать Евгений Александрович Евстигнеев — ставить «Женитьбу Белугина» Островского. Для Евстигнеева был устроен специальный показ, он ушел молча, ничего нам не сказав. Мы гадали, кого он выберет; всем хотелось работать с ним, он был не просто знаменитость, «звезда» — любимый, обожаемый нами артист. Я, суеверная трусиха, нарочно не стала читать пьесу и потихоньку выспрашивала у однокурсников, о чем пьеса, какие в ней роли. В начале третьего курса пришел Евгений Александрович и прочитал свое распределение. Мне досталась главная героиня, Елена Кармина, чего я никак не ожидала, ведь я считалась характерной актрисой. Так мы встретились впервые — как учитель и ученица.

У Евстигнеева-педагога не было какой-то определенной методики. Он был гениальный актер, но не умел объяснять технологию своей работы. Он ощущал роль интуитивно, словно его касалось какое-то озарение. Так было и на наших репетициях. Он никогда не говорил о

сквозном действии, сверхзадаче образа, — он показывал, мы его повторяли. Он был нашим идеалом, кумиром; мы старались подражать ему как актеру, как личности. Наблюдала, как он двигается, как говорит, как молчит; замечала, как он пропускает какие-то вещи — наши опоздания, нарушения дисциплины. Он был не такой, как другие педагоги, никогда не делал нам замечаний, не ругал. Он нас только хвалил. Наблюдать за ним, пытаться понять, осмыслить его было великим уроком для нас всех. Когда его не было на репетициях, Софья Станиславовна Пилявская, наш педагог, работавшая с ним в паре, накручивала нас, что-то закрепляла, говорила про Станиславского, про жизнь человеческого духа. А Евгений Александрович не объяснял — он просто это делал, он так жил, он так работал. Мы смотрели на него и учились.

Однажды ему предложили стать руководителем курса в Школе-студии. Он отказался, даже испугался: «Мне же придется их ругать. Я не могу». Евгений Александрович был философом в жизни и никогда не признавал за собой права судить людей и управлять ими. Это была его принципиальная жизненная позиция. Удивительно, при его огромной популярности он был абсолютно лишен тщеславия и оставался очень скромным человеком. Он отказывался от всех официальных постов и должностей. Ему было противно видеть художников, выходящих на трибуну и вещающих, как надо жить, что есть сегодня добро и что есть зло. Он считал, что Бог все видит и все рассудит.

(Окончание на 24-й странице)

обрывки «Плейбоя». Таких работ на старых досках у него штук двадцать. Этого хватило, чтобы в семидесятые годы его начали увозить уезжающие на ПМЖ — постоянное местожительство — в своих больших чемоданах. Способ русского художника путешествовать.

Русские художники всегда тяготели к Италии, советские — к Штатам. Сафронов, несмотря на молодость, оказался человеком с традициями. Софи Лорен, дама со средствами, купив его картины, заодно помогла попасть куда хотелось. Вот и этим летом Никас

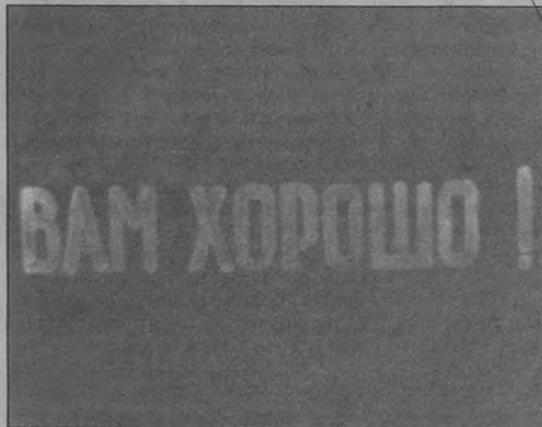
опять поехал работать на виллу у моря — у Средиземного. Иванов там заканчивал свое «Явление Христа народу». Что заканчивает Сафронов, не будет известно до августа.

Сафронов — едва ли не рекордсмен по плотности народонаселения на холсте. Именно поэтому его нужно потреблять в умеренных дозах. С перерывами на размышление. Почувствовал — подумал — посмотрел. А то Сафронова получается слишком много.

И. М.

абсурд

Виталий Комар, Александр Меламид. «Вам хорошо!» 1972

ная, но иная. И соц-арт сделался историей. «Он кончился в начале 80-х годов, — с грустью констатирует Федоров-Рошаль. — Все остальное — эпигонство. Вообще художественные течения XX века кончатся на их создателях. В реализме еще можно имитировать манеру, но и это уже становится неинтересным для знающего зрителя. Когда же копируют «видео», «придумку», становится еще скуч-

нее... Но с социальной точки зрения соц-арт бессмертен, как бессмертны советские плакаты, «ленинские уголки», которые до сих пор ведь существуют».

Могла ли выставка соц-арта найти для себя в Москве лучшее пристанище, нежели Музей Ленина, этот гипертрофированный «ленинский уголок», действительно бессмертно запечатлел абсурд! У входа в музей — толпы яростных старушек-комсомолок, сующих прожорлив подписные листы в защиту вождя, а в залах — пустыня, даже свет притушен, его включают лишь в честь такого события, как приход зрителя. Вход бесплатный, а за пользование туалетом взимают рубль — все-таки доход берут выставки. Хотя бы и под изде-

вающийся над Лениным соц-арт. Впрочем, собственные экспонаты музея — еще большее издевательство и по степени абсурдности побивают любой соц-арт. Рябятые красными знаменами шаблонные картины «на ленинскую тему», «ленинские плакаты», «подарки Ильичу»... Ни по стилю, ни по смыслу они ничем не отличаются от багрового стенда Федорова-Рошалья, исступленно призывающего весь мир «Качать Красный Насос», от «железного» — действительно железного — «занавеса» В.Скерсиса, от писсуаров с советской символикой А. Косолапова.

А посреди этой фантазмагории ошарашивает, останавливает на месте голова Ленина работы С.Коненкова. Она стоит в зале не выставившихся ранее работ, и понятно, почему, несмотря на знаменитое имя автора, не выставилась, и емогла выставиться пуще самого крутого соц-арта. Огромное запрокинутое лицо, мучительно раскрытый рот... **ВОЮЩИЙ ЛЕНИН!** Бьющийся в тисках им самим вызванного и убивающего его абсурда.

Мария ЧЕГОДАЕВА